
Александр ДЬЯЧКОВ

ТУМАН

С водителем Ваней, чтоб сделать навар,
на стареньком «Мап'е»¹ везли мы товар:
плиту полтора на три метра б/у...
Озера тумана скрывали траву.
Мелькали поселки, посты ГИБДД,
столбы и проселки, мосты и т. д.
Мне выпал нажиться нечаянный шанс,
и, как говорится, потрачен аванс.
И как говорится...

Допустим, попасть невозможно в село,
подрядчику власть выделяет бабло.
Чтоб стала дорога дорогой мечты,
купить нужно много дорожной плиты.
Но не для элиты ведь строят шоссе,
нулёвые плиты украдены все.
Убитыми плитами вымостят тракт,
но скроется в битуме, сгинет сей факт.
Убитыми в битуме...

А совесть поэта не купишь, увы...
Хоть бизнесом это, хоть как назови.
Открылось, сорвалось мое воровство,
когда оставалось всего ничего.
И выйдя из «Мап'а» я твердо решил
и впредь без обмана жить честно, как жил.
В путь тронулся Ваня, замявшись сперва,
в рассветном тумане виднелась трава.
Туман расплывался...

* * *

Я опять устроил сцену,
я на маму стал орать,
а потом ударил в стену,
чтобы дверь не поломать.

Александр Дьячков родился в 1982 году в Усть-Каменогорске (КССР, сейчас Республика Казахстан). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Красноярска, Саратова, Кемерово и других городов. Автор трех поэтических книг. Лауреат премий им. Евг. Курдакова (2015), «Волошинский сентябрь» (2016). Живет в Екатеринбурге.

¹ Немецкая марка грузовых машин.

А потом читал поэта
(с полки выдрал синий том),
он писал про то и это,
а по сути, ни о чем.

За пределами остались
и пороки, и грехи,
а поэзии достались
охи, вздохи, пустяки.

Как мне стало одиноко!
Неужели только я
вижу, как ты однобока,
русская по-э-зи-я?

* * *

Любовь прошла — осталась ипотека.
Нет более незыблемой скрепы!..
Привычка, дети, мнение толпы
от бегства не удержат человека.

О штампе в паспорте и говорить не будем,
да и с венчаньем так же обстоит...
Единственное, что поможет людям —
совместный, неоплаченный кредит.

Но не печалься, друг! По крайней мере,
еще возможно смаковать вино,
курить табак, бродить в осеннем сквере,
писать роман или снимать кино,
которых не закончишь все равно;
и радоваться горькой непотере...

Ослабь ремень, чтоб не давили джинсы.
Вполне сгодится для счастливой жизни.

* * *

Капельница капает,
препарат колюч.
А пылинка падает
прямо через луч

ярко-желтый, солнечный,
бьющий из окна...
Жизнь еще не кончена,
за окном весна.

* * *

Христианство свелось к дисциплине:
помолился, прочел, посетил,
отстоял, приложился к святыне,
причастился... опять согрешил.

Где ты, Господи? Я умираю:
то грешу, то реву, то молюсь...
Не тоскую по вечному раю,
адской муки уже не боюсь.

* * *

1

Мне жена говорит: «У тебя нет мечты
ни улучшить наш быт, ни прославиться. Ты
обленился вконец, ты — амеба, ты — глист...
Никакой не мудрец, а простой пофигист».
Я отвечу жене, правду-матку рубя
(мне хватает вполне возражать «про себя»):
«Вот покинули б вы вместе с дочкой вдвоем
в прошлом мой, но, увы, в настоящем — ваш дом
на четыре денька... ну, на три... или два...
Я бы вмазал пивка, посмотрел бы „Дом-2“,
отключил телефон, снял часы со стены
и отправился в сон видеть яркие сны...»

2

Я от веры в Христа ждал невиданных дел:
не снимая креста, я погибнуть хотел,
жечь людские сердца, всем указывать путь...
(Я не знал до конца, в чем религии суть.)
Стометровый забег перерос в марафон.
Тем и слаб человек, что сначала силен.
Но истрачены сто первых метров в свой срок...
Я молиться и то ежедневно не смог,
я ходить не сумел ежемесячно в храм,
мой духовный предел — пост держать по средам.
Да, меня благодать укрепляла в пути,
но не в силах нести
я могу лишь поднять
крест.